

«...Я НАВСЕГДА ОСТ

Как мы уже сообщали, в области готовится к выпуску Книга памяти — документальное повествование о наших земляках, погибших в Афганистане. Открываем очередную ее страницу

Если бы я знала, что потеряю брата...

Серик рос очень скромным, тихим мальчиком, часто болел. В четвертом классе перенес желтуху. После сорокадневного карантина должен был полгода соблюдать строгую диету. И в нем нашлись силы, терпение, чтобы перенести это. Он никогда не плакал, а только, стиснув зубы, молчал. В детстве очень боялся темноты, не мог одич выйти на улицу. Но к 14—15 годам он резко изменился, особенно когда стал заниматься спортом, быстро стал расти, крепнуть. Много читал книг и журналов с рассказами об истории разных видов оружия.

Мне, его сестре, легче о нем говорить, потому что мы росли вместе (я всего на три года старше брата). Своими мечтами, своими радостями и огорчениями делился со мной. И о том, что он написал заявление, чтобы его направили служить в Афганистан, первой узнала я. Сколько ни отговаривала, он не хотел ничего слушать. Одно мне сказал: «Если служить, так служить по-настоящему и только в Афгане. Если ты расскажешь родителям, я тебе никогда не прощу». Мне не хотелось расстраивать его перед дорогой. Разве я знала тогда, что через восемь месяцев я его потеряю.

Серик был для нас опорой, надеждой. Погиб он, и не стало ничего, остались лишь воспоминания.

Как он переживал о родителях, писал в каждом письме, что скучает по ним, спрашивал о здоровье.

Вот его письмо от 20.02.88 г. «Здравствуйте, дорогие род-

ные мои!!!

Как ваши дела, как у мамы ноги? Не болят?

Мама! Неужели вы меня не простили? Поймите, мне от этого нелегко.

Простите меня, мама... Вот вернусь, и тогда вы меня сколько хотите ругайте. Я буду даже рад этому. Свой дом и вас всех я часто вижу во сне. Утром встаешь, как будто дома побывал.

До свидания.

С приветом, ваш сын Серик».

Письмо из Термеза от 27.02.88 г.

«У меня все нормально. Выпало свободное время и пишу вам. Здесь уже начинает припекать. А у нас, наверное, сейчас холодно, морозы и бураны. Иногда вот так сидишь и представляешь: дом, печка горит, на печке чайник кипит, папа в зале телевизор смотрит, а мама сидит и вяжет носки. И дома так уютно и тепло».

Из письма к сестре:

«У нас сегодня произошло ЧП, застрелился один курсант. Просто так, сидел возле меня — разговаривал, и вдруг его не стало. Самое главное, что я так смотрел спокойно, как он умирал у меня на руках. Мне уже, наверное, пора в Афган».

Из последнего письма:

«Родные мои, не волнуйтесь. У меня все хорошо. Я к вам скоро вернусь».

Это письмо было написано 29 мая 1988 года. А 2 июня в 2.00 ночи он погиб. До сих пор проклинаю себя за то, что я не смогла его остановить, не смогла уберечь его от этой глупой ненавистной войны.

Помню, как Серик уезжал в армию. Когда я стала про-

щаться, он, вытирая мне слезы, говорил: «Не волнуйся, сестренка, я скоро вернусь, два года пролетят как два дня, береги родителей».

Он уезжал, и я долго смотрела ему вслед, а он смотрел на меня. Этот взгляд я

не забуду до конца своей жизни. Вот и все, что я хотела рассказать о своем брате, навсегда оставшемся для меня и моих родителей восемнадцатилетним.

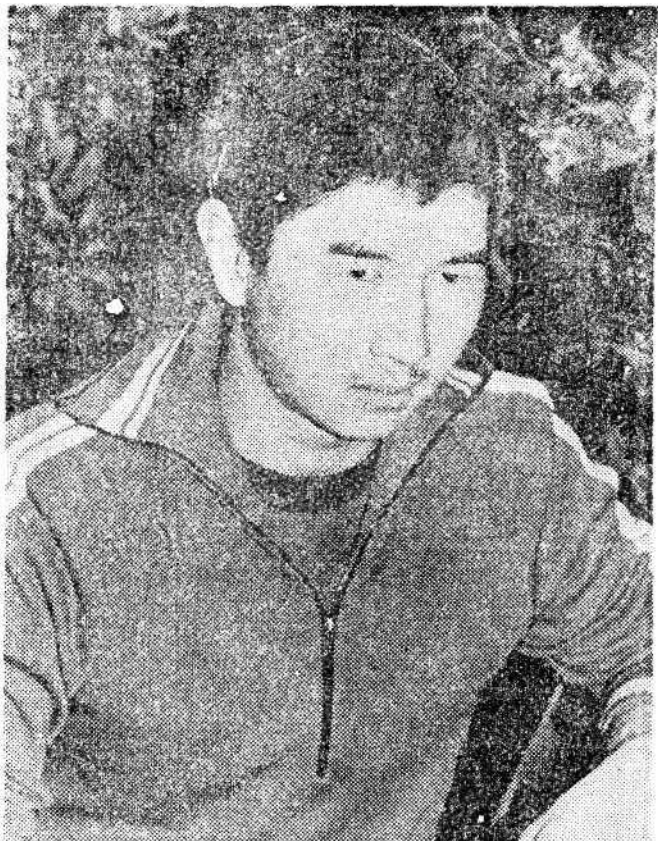
Венера ЕЛЬГИЗЕКОВА,
сестра.

Герои не умирают

«Уважаемые Тулебек Шонтаевич и Мусина Кадиша!

С глубоким прискорбием извещаем, что ваш сын рядовой Ельгизек Серик Тулебекович, выполняя боевое задание, верный воинский присяге, проявив стойкость и мужество, погиб 2 июня 1988 года.

Ваш сын Серик, воспитанный вами, партией и государством, верный патриот и интернационалист, до конца выполнил свой воинский и интернациональный долг. Не стало боевого товарища, храброго человека, но память о нем останется в наших сердцах.

Вы по праву можете гордиться своим сыном — мужественным человеком, патриотом, интернационалистом.

С уважением, командир воинской части Кибец, заместитель командира по политической части Имамутдинов. 3.06.1988 г..

(Продолжение. Начало в номере за 5 ноября).

«АНУСЬ МОЛОДЫМ»

...Передо мной цветной фотоснимок, на котором запечатлен восемнадцатилетний паренек. В солдатской форме, зимней шапке. Спокойный, уверенный взгляд, над верхней губой — едва различимый юношеский пушок.

Каким он был, Серик Ельгизеков?

— В сентябре перед призывом он приехал в гости, рассказывает старшая сестра Галина, алматинка. — Тогда и признался: подал заявление с просьбой направить в Афганистан. «Ты что, с ума сошел? — испугалась я. — Ведь там убивают!» — «Меня не убьют», — стоял на своем Серик... Господи, и почему я не отговорила его!

Он презирал трусость и подлость, ненавидел откровенную ложь и подслащенную правду. В детстве мечтал стать юристом, чтобы ограждать людей от всяческой нечисти. Ни разу не притронулся к сигарете и хмельной рюмке. Он очень увлекался спортом. Как-то прибежал радостный: «Мама, я больше всех подтянулся на перекладине!». После похорон открыли его заветный чемодан: он был наполовину забит книгами и журналами о боксе, борьбе.

Серик страстно хотел попасть в десант, поэтому тренировался, закалялся. Но взяли в артиллерию. Весточка от 13 мая из далекого жаркого Термеза: не волнуйтесь, все у меня хорошо, служба идет нормально... Никто из родных

не предполагал, что через неделю адрес станет другим — незнакомая провинция Кундуз.

...Заставу подняли по тревоге — нужно сопровождать машины с грузом. На месте осталась только охрана. Серик Ельгизеков занял пост на втором ярусе смотровой вышки, на нижнем — два товарища.

Душманов заинтересовали склады с боеприпасами. Долго выбирали подходящий момент. Когда основные силы ушли на задание, они напали на горстку советских воинов.

Ребята не дрогнули, открыли ответный огонь. После длительной перестрелки враг применил гранатометы... Подоспевшие бойцы отразили ожесточенную атаку. Но было поздно: на вышке никто не остался в живых;

...Серика провожали в последний путь. Плакали родные. Плакали учителя Курминской школы, где он получил аттестат о среднем образовании. Не стеснялись слез друзья, односельчане. Навсегда ушел замечательный человек.

А через несколько дней пришло письмо Серика, датированное 29 мая. Последнее. Он писал: не волнуйтесь, все у меня хорошо, служба идет нормально...

Н. ВОРОНКИН.

**ОТДЕЛЕНИЕ НОВОСТРОЙКА
С. НОВО-ДУБОВКА.**

НА СНИМКЕ: Серик ЕЛЬГИЗЕКОВ.

его юный лик и все то обшее, что было с ним.

С Сериком учились вместе с 4-го класса. Он был самым маленьким и шульным из ребят. Был немного смешноват, особенно когда смеялся. У него были узкие глаза, а когда же смеялся, то вместо глаз оставались лишь две щелочки.

Учился вначале неплохо, но с 6-го класса появилась слабость в учебе. Сказались, видно, его частые пропуски занятий. Он был очень болезненным, много лежал в больнице. В классе ничем не выделялся. Тихий такой, спокойный, скромный. Порой мы его даже и не замечали. По характеру был покладист. Что меня удивляло в нем, так это его принципиальность. Серик был очень совестлив, поэтому и честен. В этом отношении он был для меня примером. Не мог он, как мы, нагло врать учителю в глаза или, тем более, обидеть девочку или младшего.

Семь лет проучились мы с Сериком. И удивительно, ни разу я не видел его слез, не видел, чтобы он с кем-то всерьез конфликтовал.

В 8-м классе он начал заниматься спортом, мечтал служить в десантных войсках. Эта мечта сделала его в старших классах таким, что в нем уже было не узнать того шульного, маленького, болезненного пацана. Он перерос многих нас не только в рост, но и по ширине плеч. На физкультуре нас часто гоняли по комплексу ПТО, и в упражнениях на перекладине ему не было равных.

Особенно подружился мы с Сериком в 9—10-м классах. Он был хорошим другом и товарищем, в чем я убеждался не раз. У нас не было тайн, откровенно делились своими радостями и заботами. Говорили о любимых девочках, о жизни, в общем, обо всем, о чем могут говорить друзья.

В Афганистан, я думаю, он попал не случайно, а скорее всего добровольно. В 10-м

классе мы все мечтали туда попасть. Ведь тогда только стали писать об Афганистане. Была явная пропаганда. О том, что там действительно идет война, я понял, когда увидел цинковый гроб с телом друга. Я сразу почувствовал холодное дыхание войны. Трудно описать, что испытал тогда. Боль, отчаяние; ужас, все переплелось в душе. Сквозь слезы, крик и плач перед глазами стояло его улыбающееся лицо. В тот миг я пролинал войну всей душой, всем сердцем. Я не мог поверить, что Серика больше нет. Я не хотел в это верить. Еще долго ныло сердце при воспоминании о нем. Перед сном я старался не думать о нем, читал книгу; иначе было трудно заснуть. Слешком хорошо я его знал, и смерть его для меня была настоящим потрясением.

Помню, незадолго до окончания школы как-то завели разговор об Афгане. Я спросил его: «Зачем ты хочешь в Афган!» Он в шутку ответил: «Чтобы после армии получить льготы», — но уже всерьез добавил: «Я не могу спокойно смотреть, как по телевизору показывают искалеченных афганских детей, стариков, женщин. Я хочу помочь им, их защитить».

Серик — жертва не только войны, но и нашей пропаганды. Кто знает, пошел бы он туда, если бы тогда, в 1986—1987 годах, писали о этой войне то, что написано ныне.

Больно, обидно, горько за Серика. Он только начинал жить, сделал первый шаг, и этот шаг был шагом в огонь, в котором он, как и тысячи его сверстников, сгорел. Сгорел в пекле войны — самой длинной и самой позорной в нашей истории. Ничто его не вернет, только память моя будет возвращать его мне, пронзая мое сердце своим безжалостным острием.

**Ерлан ЗАКИРОВ,
школьный друг.**

**Публикацию подготовил
В. РАЧКОВ.**

Знаете, каким он парнем был...

Здесь, в бескрайних степях Сары-Арки, в одном из многочисленных казахских кладбищ, что раскинуты по всей степи, среди обычных мазаров, есть одна могила. Но особенность ее в том, что покоится здесь молодой парень. Быть бы ему сейчас нашим ровесником, но, увы,

судьба распорядилась так, что он навсегда остался семнадцатилетним.

Мраморная надгробная плита у изголовья могилы с изображением юного лица да ровные ряды букв — вот все, что осталось от Серика. И память, что будет жить во мне, воскрешая в сознании